

Сергей Надеев

ИГРЫ НА ВОЗДУХЕ

Из пяти книг

Сергей Надеев
Игры на воздухе

«Издательские решения»

Надеев С. А.

Игры на воздухе / С. А. Надеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747689-2

В настоящем издании под одной обложкой собраны книги, написанные и изданные в прежние годы, снабжённые авторским комментарием.

ISBN 978-5-44-747689-2

© Надеев С. А.
© Издательские решения

Содержание

Лесное лето	7
«– Ах, – промолвила, – вот и тебе половина...»	7
«Чуть свет, чуть птичьих интонаций...»	8
«Я бреду по колено в июле...»	9
«Пресветлая, от лета уклониться...»	10
«К нам скользит, сгорая в мириадах...»	12
«Дорогами, похожими на рвы...»	13
«В селе с названием «Кайсацкое...»	14
«По Успенской дороге – мы слышали – песню запели...»	16
Акростих	17
«О лето из трёх лепестков...»	18
«Элегической грустью по выпавшей влаге ведомы...»	19
«Мы вышли к озеру...»	20
«Постоялец поднимется в десять...»	21
«Когда светило гаснет где-то —...»	22
«Побросали лёгкую одежду...»	23
«Бродить по лету, нахлобучив...»	24
«Звонящая звезда, в косую сажень лето...»	25
«Как тебе подойдут огранённые лунные блики!»	26
«Ненасытная ночь отсекает стеклянное стремя...»	27
Аргонавты	28
Первое путешествие	28
«Закрой глаза: прямые складки лета...»	30
Акростих	31
«О чём ты? ...»	31
«Ты в самом деле не предполагала...»	32
«До самой осени меняли адреса...»	33
«А девочка, что прошлое хранила...»	33
«Только слуха хворобый июль не царапнет железом уключин...»	34
Сентиментальное	34
«Каким немислимим круженьем...»	35
«Не тебе объяснять, что уходит дорогой, по полю...»	36
«Постой, не думай о разлуке!»	37
«Как встретиться, когда дороги – мимо...»	37
«За редкой зеленью – сутуловатый строй...»	38
«Неправда, что страхом не дышит...»	38
«Какая бабочка за плотной дымкой тает?»	39
«Всё, что запальчиво мне посулила...»	39
«Одичала малина на даче...»	40
«На ветхом примусе не закипает чай...»	41
«Окрестности исхожены, а дале —...»	41
«Многооконный дом 60-х...»	42
«Словно боьшого – не надо: стопка чистого белья...»	42
«Как мнительна и как ты непохожа...»	43
Десятистишия	43

«В доме осени – выбиты стёкла...»	46
«Я простыл. Я не помню родства. И далече...»	47
«Скажи, на что употребим...»	48
«Настурция – подумаешь, забава!»	48
«Ступеньки, лестница, фрамуга...»	49
«Давай с тобой переиграем сырое ветреное лето...»	50
«Посмотри, во дворе подметают... Давно ли...»	51
«В футболке выцветшей и лёгком свитерке —...»	51
«В нежилой комнатухе, где жарко натоплено, что же...»	52
Кулунда	53
«Твои слова – пустые уверенья!...»	54
«Я выучусь молчать...»	54
«Что мне ответить?»	55
Лес	56
На холме	61
Часть 1	61
Часть 2	62
Часть 3	63
Последний поэт	65
«Чёрный лес, чересполосица...»	65
Костомаров	66
«Всё скучным кажется, и только сад остуженный...»	70
Последний поэт	71
Поздние стихи	72
«Над каналом, подёрнутым ряской...»	75
«Горбатый мостик над оврагом...»	76
«Эта осень приносит опять...»	76
«Нет, уже я не услышу оклика...»	77
Памяти Мандельштама	78
«Болотная...»	78
«Неожиданно как постарели...»	79
«Войной обласканный парнишка деревенский...»	79
«А пока по Окружной дороге...»	80
«Что же даже и словом не хочется...»	80
«Я прощу, я вовсе не замечу...»	81
«Мы все питомцы Комитета...»	81
«В гостиничном номере гулком...»	82
Прощание в Ленинграде	83
«Поднялся дбверху и затихает, глохнет...»	83
«В январе – мучительно темнеет...»	84
«Где уж нам с немудрящим сюжетом...»	85
«Когда я стану старым...»	85
«Ты всё ещё надеешься вернуть сухой зимы колеблющийся облик...»	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Игры на воздухе

Из пяти книг

Сергей Александрович Надеев

© Сергей Александрович Надеев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стихи – вроде бы вот они, перед нами, они написаны, а для чего, для кого – с первого взгляда не разберёшь. Но остаётся стойкое ощущение, явственный привкус того, что за ними стоит нечто большее. Это как шифр. В этих строках есть тайна: смотришь – и перед тобой лишь хаос цветowych пятен, а присмотришься – возникает картина. С первого раза они не даются, они ускользают, протекают сквозь пальцы, их «пролетаешь», словно не за что зацепиться. Вот она, странность, – стихи непременно требуют объяснений. Или, другими словами, предполагается, что они ждут толкования. Или написаны тому, кто знает. Как герметические тексты, малоинтересные сами по себе, но если есть код... Слабые значения – пожалуй, именно этот образ является определяющим.

Евгения Верейская

Лесное лето

«– Ах, – промолвила, – вот и тебе половина...»

– Ах, – промолвила, – вот и тебе половина.
Лето ахнулось яблоком – от вершины до самого низа.
Долька сливы спеклась (разве в чём-то повинна?) На железе карниза.

Уходили по берегу к поплавку проржавевшей насосной,
Пробирались, сжимая перила, по зыбким понтонам,
Солнце, встав за спиной, от воды отражалось несносно,
Застилая глаза то цветным, то солёным.

Доносились счастливые возгласы, стрекот моторки...
– На! – пакетик блеснёт. И посыплется в воду,
Неспеша раскатившись, тугие восьмёрки
– Что ж не ловишь! —
Улыбнись виновато, скину тапочки с бледным тавром
«Скорохода».

Что мы ждали от лета, когда сочиняли ночами
Шум на влажном песке и едва долетающих капель
Ледяные уколы, атлетов с лепными плечами
И пловца на отшибе, «Как водичка, приятель?»?..

Сядешь рядом, на тёплые доски.
Расплывётся пятно, подминая
Мелких выбоин трещины, сколы, извивы, бороздки.
Чуть дрожишь от воды, мягко шуришься, к небу лицо поднимая...

«Чуть свет, чуть птичьих интонаций...»

Чуть свет, чуть птичьих интонаций
Достанет, чтобы скрасить лес,
Густой от запаха акаций,
В прожилках пасмурных небес —

Ты ускользаешь за калитку,
Чтоб у воды, невдалеке,
Согреть продрогшую улитку
В полуразжатом кулаке.

И дразнишь сонную округу,
Когда, услав поводырей,
Спешишь к сверкающему лугу,
Жуков роняя и ктырей.

О, как тебе даётся споро
Наука этой широты
Срывать в охапку у забора
Травоподобные цветы!

Мне не угнаться, не угнаться...
И только вижу сквозь туман,
Как прогорает меж акаций
Твой невесомый сарафан.

«Я бреду по колено в июле...»

Я бреду по колено в июле
И читаю в игре голубиц,
Как тебе, босоногой, нетрудно
Пробираться по пояс в полудне
И молчаньи напуганных птиц.

Про тебя сочинили стрекозы
Неподвижный полёт над водой,
Про тебя, прошуршав по рогозу,
Выкликают брусничную прозу
Не один муравей молодой.

Бог ты мой! босиком, ежевикой,
Листоедов роняя в траву,
Катишь день, словно обруч, увитый
Белоталом, ольхой, повиликой,
Горицветом соришь на ветру!

Ты бежишь без оглядки. И, верно,
Обронила дорогой в хвощи
Горький привкус цветущих календул,
Телиптериса влажные ленты,
И уже не ищи, не ищи...

«Пресветлая, от лета уклониться...»

Светлане Кековой

Пресветлая, от лета уклониться
Не хватит сил. – Среди каких лугов
Тебя настигнет аромат душицы
И разнотравья выцветшие ситцы,
И пенье бородатых пастухов?

Беги, беги, простой рожок заслышав!
Найдёшь приют в сторожке луговой.
Там хор цикад не знает передышек;
Кострец кольнёт, склонившись до лодыжек,
И слабо вскрикнешь: «Боже, Боже мой!...»

Порадуй увальней и с глиняною крынкой
Подсядь к кострищу... – Это свыше сил:
Пить молоко и плакать под волынку
И видеть звёзд колеблемую дымку
И слышать кобылиц, ступивших на настил!

Лови зрачки влюблённых волопасов.
Они следят, приоткрывая рот,
Как тянется со всех степных широт
Ночных жуков нерасторжимый флот,
Невысоко вычерчивая трассы.

По ходу искр, влекомых в небосвод,
Присев на крае вытертой овчины,
Ты предскажи обилье и приплод
Стадам, почившим у подножья вод,
Да яркие, как лето, октябрины.

Прислушайся, но кто там, босиком,
Пугая бабочек, оцепеневших в травах,
Пути не разбирая, напролом,
Спешит к ночным пастушечьим забавам
И валится на влажный чернозём? —

«О, то Июль упал в изнеможенье
И бровь рассёк». – Белёдые виски
Зажми ему, затихшему в коленях,
И чемерицы разотри коренья,
И боль уйдёт с касанием руки.

Он подрастёт, юнец в косоворотке,

И с гиканьем погонит через пруд
Три пары уток, он потопит лодки
И поведёт за поводок короткий
Голодных щук, вцепившихся в блесну...

Но обернись, – куда же пастухи?
Они уходят, охлестнувшись ляжкой
Пустой сумы. Ночной огонь утих.
И остаётся от веселья их
Пустая крынка с бабочкой зорянкой...

«К нам скользит, сгорая в мириадах...»

А. П.

К нам скользит, сгорая в мириадах
Водных брызг, в мерцании арцелл
Бледно-жёлтый баловень прохлады,
Пробиваясь плотной цепью тел.

Это пляшут, растопырив пальцы,
Подымая водяную пыль,
Дачники, смывая с кожи кальций,
Нитрофос и звёздочки белил.

Вот они, колени расправляя,
Точат грудь колеблемой водой
И стрекозы шумно зависают,
Разгребая лопастями зной.

– Что же ты? присядь в тени на тине
И лепи, купая пальцы в глине,
Дудочку о дырочке одной!

Но спадёт в прибрежных корневищах
Звон и гомон комариных труб,
Лишь твоё дыхание слышав
И завидев дудочку у губ...

«Дорогами, похожими на рвы...»

Дорогами, похожими на рвы,
Мы ехали в расхристанной телеге.
Ольховой жердью, срубленной на следи,
Сшибали листья вянущей травы.

Шли колеи, пробитые сквозь лес,
Сквозь марево позавчерашних ливней.
Насвистывая весело, вольны мы
Считать верхи деревьев до небес.

Лес обступал. В нём не искали мы
Иных примет, чем осени и жизни, —
Как вдруг пронзило болью об Отчизне,
Хватив за сердце!
Замолчали мы.

Вот эти – куст и влажный запах мхов,
Настой смолы, поскрипыванье втулок
И – в памяти – негромкий переулочек
Да палисадник, полный лопухов,

И то, что было прожито, и то,
Что проживём, переживём, осмыслим —
Мы Родиной отныне назовём —

...и лес, и звон на птичьём коромысле.

«В селе с названием «Кайсацкое...»

Николаю Кононову

В селе с названием «Кайсацкое»
Ты занят стрижкою овец.

...Бредёшь в степи походкой штатскую
И след от ножничных колец
Тревожит, вроде обручального...
А степь сжигает на ветру
Полотна неба цвета сального.
Раскаянье придёт к утру.

Как славно
душу наболевшую,
Ступая в ржавых сапогах,
Нести травой перегоревшею
И гарь услышать на губах!
И помнить кожей и жилами
Овец худые рамена,
Как отводил кривыми вилами
Ручьи горячего руна.

О, представлял ли эти мутные
И студенистые пласты
В отдохновения минутные
Тем золотом, что жгло персты?
Об этом ли мечта итакова?..
Но жижга свищет сквозь настил,
И овцы плачут одинаково,
Лишённые руна и сил.

Всем телом вздрагивают изредка.
...Переступая тяжело,
Июнь качает – вроде призрака —
В огнях и мареве село.
И утихает над кошарами
Волна обид сама собой,

И овцы, связанные парами,
Жуют губами вразнобой.

А ты – бредёшь путём дымящимся,
Рубаху стаскиваешь прочь,
Овечьим мускусом слящимся
Царапая степную ночь.

А после, у канала мёртвого,
Лежишь, одетый в небеса,
И слушаешь до полчетвёртого
Гребцов ахейских голоса...

«По Успенской дороге – мы слышали – песню запели...»

Ю. Л. Болдыреву

По Успенской дороге – мы слышали – песню запели.

Косари возвращались? Или несколько баб, побросав
В колее телогрейки, дремали на жёсткой постели
И нестройно бубнили жестокий житейский устав?

Мы подкрались к опушке.
И там – за дорогой – на поле
Мы увидели тощих большеротых расслабленных баб
Да задохшийся трактор над кучей сиреневой соли,
Мужика на пригорке и скудный обеденный скарб.

Ветер спутал траву, и обрывки газетной обёртки
Разлетелись по полю. Ковыляли грачи в борозде
И косились на мятые вёдра, на жёсткие корки,
И не слушали плач, словно он – одинаков везде.

Кто-то слово забыл, и разлаженный хор – оборвался.
Солнце било безжалостно в чёрные скаты колёс.
Конопатый мужик – словно воин во ржи – разметался
И лениво бранился на жёлтые столбики ос.

Попримолкла Россия, с холмов обезлюдевших схлынув,
Зеленея под ряской, во рвах застоялась вода;
Исхудала земля, только ветер ерошит крушину
Да неброско цветёт, выбегая на топь, череда...

Акростих

Созревает июль, махаон шелестит на булавке;
Выступает роса и к земле пригибает плоды.
– Будет, будет лежать, о сластёна в худой безрукавке,
Ежевичный король, горячильщик озёрной воды!

Отросли у сверчков долгожданные певчие крылья.
То-то им щекотно! В травянистых покоях твоих
Разгулялась всерьёз легкокрылых существ камарилья,
Лепестками соря, как ты будешь сердиться на них!

И расстроимся мы, что пора комаров и малины.
Августин свиритит и бредёт по горячей пыли.
Сено бабы гребут, по глаза повязали холстины.
Ночники шелестят и слагают цветные картины.

...А Июль нахлобучил фуражку и где-то маячит вдали.

«О лето из трёх лепестков...»

О лето из трёх лепестков
На сломе шмелиного вдоха!
О лето из сети подвохов
В куртинах размашистых мхов!

Странгалия мне принесёт
На брачных чешуйках хитина
Озёрную влажную глину
Да зной перегретых болот.

В стреканья стрекозых утех
Вмешается траурниц вылет.
Их тёмные меты на крыльях
Лапландец прочтёт нараспев.

О, как мне тебя провести
Напевами разноголосиц,
Тенистой тропой сенокосиц,
Застывших, суставы скрестив?

Я буду стараться, а ты —
По лёту хитиновой касты
Гадай на столетья и властвуй
Вокалом воды и слюды!

«Элегической грустью по выпавшей влаге ведомы...»

С. К.

Элегической грустью по выпавшей влаге ведомы,
Утопая по локоть в абзацах прочитанных книг,
Мы с тобой горячимся, листая цветные альбомы,
И никак не решим – доказательства наши весомы! —
Кто же первый из нас пауков и стрекоз ученик.

Я тебе говорю: «Посмотри на покров крестonosца,
На прозрачное тельце внутри нитяных гамаков...»
Ты в ответ возражаешь, что в грузных паренях колодца
Погибают цикады, бессильные с солнцем бороться,
«Запуская в траву парой пыльных своих башмаков».

«Созревают плоды...» – «Нет, плоды – под дождём опадают...»;
«Только минул июль...» – «Вот уж август в плаще из теней...»;
«Нас разлука гнетёт...» – «Нам разлука – мечты окрыляет
И для будущей встречи печёт на золе караван
Из крутого замеса невстреч, недошедших вестей!..»

Ну да полно, Светлана! – тебе оставляю журчалок
Да холодные перья ведущих дожди облаков,
И страдаю косарей, и «желтеющих нив покрывало»,
Государственных ос костяное безумное жало —
Всю грамматику Фабра в пятьсот муравьиных томов!

«Мы вышли к озеру...»

Мы вышли к озеру.
И резко
Повеяло, как сквозняком,
И вздрогнул лес, как занавеска,
Повисшая над косяком.

И большего – не разглядели...
Но что скрывается вдали? —
Не прошлое же, в самом деле,
Которого не обрели!

Отчётливы и одиноки,
Покачиваясь, как во сне,
Текут воздушные потоки
Сквозь лес, недвижимый в стороне.

И нам, наверное, – туда же
Брести по сумрачным холмам,
Куда и жизнь течёт, и даже
Относит дым по берегам.

Туда, куда полоска света
Подсунута... —
За эту дверь
Заглядывать – дурная мета.
Или смертельная, поверь.

«Постоялец поднимется в десять...»

Постоялец поднимется в десять.
И уляжется в час рыболова.
Понапрасну не выронит слова.
Предварительно каждое взвесит.

Он глядит в слюдяное оконце
На короткую грядку укропа,
В чайной чашке елозит по донцу,
Подбирая потёки сиропа.

Потолочная прелая балка
Осыпает чаинки распада,
И скрипят, словно ось катафалка,
Восемь крон госпитального сада.

Кто-то бродит на мягких подошвах
По периметру дачного лета,
И сияет осенняя прошва
В безутешных балладах поэта.

«Когда светило гаснет где-то —...»

Когда светило гаснет где-то —
За сто шагов не одолеть
Куртины скошенного света,
Уже остывшего на треть.

И над остуженной равниной
Перетекает польнья
Не то тоски неодолимой,
Не то ушедшего огня.

И тень, отброшенная нами,
Не след ли совести извне
В ненаделённой именами
Однообразной вышине?

Чем выше в гору – тем просторней
И тяжелее говорить...
Да воспыхает воздух горний!
Да нас ему не укорить!..

«Побросали лёгкую одежду...»

Побросали лёгкую одежду,
В воду погрузились неспеша,
И сновали рыбы тени между
Смуглых икр, порывисто дыша.

Лёгкий свет позванивал над плёсом.
Или просто с берега влекло
Запах непросушенного тёса,
Лодок перевёрнутых тепло?

Ночь поверх – ворочалась, скрипела,
Дизелем топталась на мели,
А внизу – лилась, сияла, пела.
И в восторге обмирало тело.
Фонари маячили вдали.

«Бродить по лету, нахлобучив...»

Бродить по лету, нахлобучив
Фуражку лёгкого сукна,
И, самому себе наскучив,
Упасть в траву, как в рощу сна.

А там – вращаются химеры
Косноязыким косяком
И подтверждаются примеры,
Что мир – двулик и насеком.

Вскарабкавшись по мятой тулье,
Кузнечик держит – рамкой вниз —
Раскачиваясь, как на стуле,
Погод пружинный механизм.

В карманах шарить – не отыщем
Трёхгранный ключик заводной,
Он – у жука за голенищем,
Вразмах таранящего зной.

А жук – мелькнул за мочажины...
И никому не завести
Небес ослабшие пружины,
Играя ключиком в горсти.

Ну вот и лето отсветалось —
Простим ему неологизм.
Кузнечик скачет и усталость
Заводит, словно механизм.

«Звонящая звезда, в косую сажень лето...»

Звонящая звезда, в косую сажень лето,
Немного облаков, и боле – не проси:
Достаточно щедрот, остановись на этом.
А впрочем, принеси неспелых слив в горсти.

В полночь будет дождь. И вместе с влагой будут
Беззвучно опадать усталые плоды.
И привкус частых зим дичком вкрадётся в губы,
И по щекам пройдут чуть влажные следы.

Забылось, всё прошло: и ссадины, и раны;
В разгар июльских гроз не вспомнить холодов,
Как жили, что во сне, и спать ложились рано,
Вписав поспешность дня в подшивку дневников.

Не помяни судьбы со зла и суетливо
За щедрости её на признаки беды!
Прикрутим фитили, просыплем на пол сливы
И вслушаемся в сад, теряющий плоды...

«Как тебе подойдут оградённые лунные блики!»

Как тебе подойдут оградённые лунные блики!
По ключицам скользнут, образуя крутой полукруг,
И кувшинчики света в обвязке невидимой нити
Отзовутся, рассыпав сухой костяной перестук.

Прошумит над землёй грузных птиц гомонящая стая.
И студёная ночь упокоит летучий отряд.
И невольно отметишь, рассеянно книгу листая,
Что июль – на излёте, помалу растратив заряд.

Кто из нас дорожил ежедневным назойливым чудом
Из распахнутых рам выпускать зазевавшихся ос?
– Помни, помни меня в этом душном своём ниоткуда,
Где колышутся воды и тает за дымкою плёс...

«Ненасытная ночь отсекает стеклянное стремя...»

Л.В.

Ненасытная ночь отсекает стеклянное стремя.
И уже не уйти по планете угасших болот.
На проворных ветвях каждый лист – как трёхпалое знамя,
Как военные стяги разбитых полков.

То-то горько в крови, то-то поло пространство меж нами —
Будто мы полегли, а не серые стебли травы.
Бьются капли о скат и рождается время меж ними
И течёт по стеклу наподобье воды.

В эту пору не жди ни опеки, ни спешки.
С подоконника льёт. Тянет влагой и тьмою.
А там —
Натыкаясь на листья, рождаются шумы и вспышки
И полотнища лупят, и дождь по пустым кузовам.

Аргонавты

Первое путешествие

1

До света заставили днища углами корзин,
В глухих свитерах развернули тяжёлые плечи,
Колени сковали резиной. С замедленной речью
Разлили по лампам ночным жестяной керосин.

Пропахла осокой и жестью вода в берегах.
А жёны крестили, губу закусив, аргонавтов,
Детей целовали. И был поцелуй одинаков
С рыданьями, горечью в замкнутых скорбью губах.

И жёны молчали в холщовых нарядах ночных,
Крест-накрест к груди прижимали озябшие кисти,
Белели в сенях и безмолвно прощали. И листья
Роняли деревья в дверные проёмы на них.

2

До утра, раздирая ладони, кочевали по рыбьим кругам.
И ключины медленным звоном подавали известия рыбам.
А язи уходили неслышно по засыпанным илом пескам
И попутно пугали личинок, чтобы бег не казался постыдным.

А когда на озёрах раскрыли, разобрали тяжёлую сеть
И залили вином шаровары из гремячей брезентовой кожи —
Перестали язи торопиться и болотные птицы скрипеть,
И развёл молодой доломедес в черепушке мучнистые дрожжи.

Пожимала округа плечами: что за выдумки, что за смешки? —
В этот час не родиться подёнке и странгалии не возвратиться
Из лугов к золотым эпифитам. Но плескал доломедес в ковши,
А затем на холодную воду обернул черешком остролиста!

Застилая глаза и жужжала, восходил по осоке туман.
Потонули угрозы ктырей и несложные вздохи стрекозы.
И от правого борта не видно конца кормового весла,
А от левого борта не видно – ни весла, ни креста, ни погоста...

3

О, замедлено время, как частые выдохи рыбы!

И теряются сроки, и пальцы дымятся, и спины.
Кто вы, юноши, в царстве стрекоз и хитина,
Вычитальщики снов, выкликальщики ветра и ливня?

– Бузотёры, хлебнувшие ночи, не знавшие воли!
Вы опять приложились к бездонным бидонам разлуки
И весла древесину зажали в ладонях до боли,
И уключины полны густых металлических звуков.

Вы прощупали дно и развесили жадные снасти.
Вы рыданными рыб наслаждаетесь, точно игрою,
Медноскулые юноши, полные смеха и страсти.
– О, легки ваши жесты забавы над сонной водою!

И, резиновой поступью мера пространство от борта,
Вы заносите гибкое тело над плотью болота
И, смеясь, второпях, вырываете рыбы аорты!
И горит чешуя на брезенте, как медные соты.

4

А в это время всё преображалось. —
На плоском дне в картонных рачьих юртах
Рождались вздохи, шорохи, движенья,
Мутили воду жирным прахом ила.

Всё глубже проникали кольца света
И дно делили. И вокруг них бродили
Глухие пучеглазые сазаны, —
Как бы телки на привязи в лугах.

О, чем не лес! – В колоннах стрелолоста
Карабкаются робко пандорины
И турбеллярии срываются с листа.
О, чем не роща для охотоведа,
Для ловчего с капроновым сачком!

Но юноши подтягивают снасти.
На уровне груди клокочет рыба
Глухая жизнь. Да нет – уже не жизнь...

Кто вам расскажет – старцы или воля? —
Как под шестом хоромы серебрянки
Взрываются, как обтекают листья
Глухого рдеста воздуха шары?

О паника бескровного народа!

5

Шесты обломались! Из ила обломков не вынуть.
Весло ускользнуло. По правому борту – пропажа!
На высохших сломах стрекозье семейство уснуло,
На мокром весле – неподвижный тритон в экипаже

Подводных жуков. О, утраты легко восполнимы!
Воды и осоки немислимо тронуть иначе,
Как тонкой ногой водомера, скользящего боком,
Крылом неуёмной подёнки, пустым и горячим.

А воздух бессилен и тонок в стволах остролиста.
Не возьмётся птицы, горячей воды наглотавшись.
А Время зажало в ладонях стеклянные спицы,
И завтрашний день – неминуемо станет вчерашним.

Крахмалом и крепом сентябрь укрывает округу.
На влажной груди у него холодят амулеты.
Носком сапога он грибы обрывает, покуда
Прибрежная хвоя изогнута влагой и светом.

Расчерчен и начат осенний торжественный табель,
И в графах колеблются птичьи просторные флоты;
Я чувствую явственной брызги разбившихся капель
И в запертых ульях чеканные медные соты.
Мы Временем полны – как йодом жестяные кружки.
И жжением полны – как воздухом – полости лёгких.
Ручейник рыданьями хижины кварца разрушит,
Осколки диффлюгий течением бросит на сушу...

...Золой камыша шелестят деревянные лодки.

1981

«Закрой глаза: прямые складки лета...»

Закрой глаза: прямые складки лета,
И станции, и низкие стропила
Над узкими постройками буфета.
А далее – ни рытвины, ни света...
Скрипит состав. И полночь наступила.

Исследуй это светопреломленье,
Нарушившее труд локомотива:
Надломлен бег, трудней соударенья,
Обманчиво раскрыта перспектива.

Что чудится тебе в незрелом лете,

Когда Кокшага, вправо забирая,
Опять полна дождями на рассвете?
Йошкар-Ола, Суслонгер, Омутная...

Всмотрись: деревья – в пыльнике линялом,
Сквозняк сучит неведомую пряжу,
Горит звезда. В попутчике усталом
Отражена задумчивость пейзажа.

Возможно, это осень подступила
Отавою, проросшею травой...
Река течёт, и низкие стропила
Едва скрипят над самой головою.

Акростих

Набеги наши нестерпимы и обжигающи, когда
Искрится непреодолимо лесного озера вода.

Когда в кустарнике воркует, роняя перья, горихвост,
Обеспокоенность рифмуя с лесной округой в сотни вёрст. —

Листай дорогу, лес, лечебник и находи среди страниц
Адонис, иволгу, враждебно настроенных покуда птиц!

Южнее озера кукушка, ольхи роняя семена,
Корит, волнуется с верхушки и причитает до темна.

О, неоглядность этой ночи – короче жизни и куда
Напоминания короче, что облетает череда!

Оставь непрощенную жалость, что лето, схлынувшее вдруг,
Недолговечно, что настала пора под частый перестук

Остывшей в ночь сенокосилки следить за тенью облаков,
Вдыхать, склоняясь у развилки, чабрец, разламывая былки... —
Удод кричит у лесопилки, туман плывёт от берегов...

«О чём ты? ...»

О чём ты?
Право же, не надо
За плотной ширмой облаков
Следить летучие отряды,
Кочевья славок и чирков!

И без того невероятно
Приметы осени горят:
Всё шире солнечные пятна,
Всё ниже птичий звукоряд.

Вода озёр – простоволоса.
Да и она уже таит
Порывы рыб, застывших косо
В её прогретые слои.

Всё ближе день... И лето – минет,
Оставив вязки чабреца,
И на воздушной паутине
Скользнёт разлука вдоль лица...

О, не затем ли этой темы
Мы не касаемся, когда
Пустырник вешаем на стены
И вновь уходим на луга?

«Ты в самом деле не предполагала...»

Ты в самом деле не предполагала,
Что сосыхают стебли астрагала,
Что лес вблизи озёр, заболевая,
С трудом вершину дня одолевает?

Да, до сих пор следы узкоколейки,
Правее леса, горячи и клейки,
И глухо лает сонная неясность,
Когда с тобой пересекаем насыпь.

Но как-то зябко станет у опушки,
Когда сорока бросится с верхушки
И, очертив пространство полукругом,
В пяти шагах опустится упруго.

Зайдётся, было, и умолкнет сойка,
Телегой скрипнув, мельницей... – Постой-ка,
Да это ж нас она остерегает,
Что жизнь идёт и лето угасает...

Перевернём же осени страницу,
Где лес укрыл ладонями синицу,
Где ты меня негромко окликала
За редкими кустами белотала!

И наломаем веток бересклета,
Чтоб сохранить до будущего лета
Как памятку и как напоминанье
Про наш июль и наше расставанье...

«До самой осени меняли адреса...»

До самой осени меняли адреса:
То узенький шесток, то жёрдочка над лесом.
Полдня собирался дождь, прошёл – за полчаса
В тугом трико телесном.

Легко ли вымыслить – чем роща хороша? —
Не терпким яблоком, не свежую заплатой,
Не золотой прорехой шалаша,
Не мглой голубоватой;

Мережкой, может быть? – но жестяной узор
Осыплется, как до сих пор бывало,
Кой-где удержится до холодов подзор
Рдяного покрывала...

Разутый кровельщик, что бродит по садам
С киянкой в ящике, уже давно приметил
Вишнёвый лист, упавший к холодам,
И птичий пепел.

Ну вот и встретились! Поклон тебе. Пора
Наклеить ленточки на запертой фрамуге...

И с первым дымом кашель топора
Разнёсся по округе.

«А девочка, что прошлое хранила...»

А девочка, что прошлое хранила,
Как письма, пережатые жгутом,
Осталась там, где черпают чернила,
Где карточный выкладывают дом.

В той местности, и узкой, и безлистой,
Остались восклицанья вперебой,
Не каждому легко туда и близко
Едва ли обозначенной тропой.

В той местности, не знающей названья,
Уложены в раскрытый саквояж
Неспешных зим досадные мельканья
Да горечь неизведанных пропаж.

Быть может, к ним, в рулон свернув тетради,
Отправлюсь я один и налегке,
Как в странствия, прописанные ради
Бегов от предсказаний по руке.

И девочка с записками в ладони
Рассеянно просыплет на паркет
Семь писем неотправленных и тронет
Виски мои, как много, много лет...

«Только слуха хворобый июль не царапнет железом уключин...»

Только слуха хворобый июль не царапнет железом уключин,
Ароматной сосновой смолой не наполнит мальчишеский рот.
Мы, нахмурясь, глядим за порог на литые тяжёлые тучи,
Раскрываются шапки травы под ободьями грузных подвод.

Астрагал осыпает плоды по уклонам озябшего лета,
Босиком выбегаешь в траву донимать молодых прыгунцов.
Егерей напоив молоком, ты грустишь и печалишься следом,
Словно скрипом дорожных ремней обозначилось ваше родство...

Что осталось от наших затей? – Полинялое тело футболки,
Непомерно пустой саквояж да в простенках пучки чабреца...
Всё теснее наш низенький дом, всё просторней чуланы и полки,
И озёр прорывается вода в поредевших к утру деревьях...

Сентиментальное

1.

Да сколько б ни припоминала
В ночах, бессонных напролёт, —
Щедрот нечаянных так мало:
Лишь имя, вправленное в лёд.

Должник. Должно быть, не ответит.
А если и найдёт слова —

На что тебе несносный лепет
И связанные с ним права?

И надо-то досадно мало:
Лишь фразы, выроненной вдруг, —
Чтоб вспыхнула и убежала,
По лестнице рассыпав звук...

А в сумерках, как разойдутся,
Вернёшься и мельком, тайком
Запишешь это безрассудство.
И свалит в сон за дневником...

2.

Потянешь из учебника закладку,
Расплачешься, запишешь впопыхах,
Невесть зачем, но строго по порядку,
Как ожиданье переходит в страх...

На что тебе подсказки и приписки,
Коль всё одно не втиснуть нипочём
Участливость и бессердечье близких,
Глядящих в дневники через плечо!

Когда-нибудь права свои превысим...
На деле же – ни страха, ни обид,
Ни дневников, ни торопливых писем,
И лишь одним душа моя болит:

Признания мои – осиротели,
Как только ты, очерчивая круг,
Забыла – по прошествии недели —
Свой поцелуй, похожий на испуг.

«Каким немислимым круженьем...»

Каким немислимым круженьем
И мы с тобой заражены?
Воздвиженье – передвиженье:
Осы очнувшееся жженье,
Воды остывшей отраженье —
Неумолимы и сложны.

И возбуждает нетерпенье
Медлительный гусепролёт:
Всю ночь – покуда хватит зренья —

Они ломают оперенье,
Крылами скальвая лёд.

Как будто движутся – к исходу...
Но простоят до Покрова
Леса, процеживая воду,
Пока осиную колоду
Откроет мёртвая трава.

Возможно ли представить было
Ледок у края колеи,
Недвижущийся дым, уныло
Вошедший в лес, как холод – в жилы,
А в сбрую – парные шлеи?

Так что же сетуем на это
И целый день раздражены?
В Нахабино – уже не лето,
Воздвиженье царит и свето-
вращение, и так нелепо
Река и пруд обнажены...

«Не тебе объяснять, что уходит дорогой, по полю...»

Не тебе объяснять, что уходит дорогой, по полю,
Поднимая клубы, растревожив прогретую пыль,
Узкоплечий июль, накупавшийся в озере вволю.
И склоняется вслед обесцвеченный солнцем ковыль.

Пахнут влагой сады, перегретой листвой винограда;
Облетает кусты деловитый докучливый шмель;
Чуть скрипит на ветру, завалившись в малину, ограда
Да под грушей, в тени, доцветают душица и хмель.

А тебя захлестнул обжигающий зуд заготовки:
Керогаз надрывается, пыжится на сквозняке;
Целый день что-то варишь и капли роняешь с мутовки,
Или – шаришь под листьями в березняке.

Небо – выцвело, что ли... И как-то особенно гулко.
Так давай на скрипучие стулья присядем в саду.
Обожди хлопотать, скоро день отойдёт в переулки,
На ходу раздувая звезду...

«Постой, не думай о разлуке!»

Постой, не думай о разлуке!
Тебе ль – упрёки без конца
И вскидываться, в каждом звуке
Предчувствуя в дверях гонца?

...Нам только минуло двенадцать,
И только через десять лет
Нам робко предстоит обняться,
Страх погасив и верхний свет.

Покуда – головокруженье
Мы постигаем – из простуд,
Но мы уже живём движеньем
Друг к другу, нас уже везут

Сквозь дождь, на деревянных лавках,
Раскачивая вдоль и вбок,
Трамваи «тройка» и «девятка»,
По рельсам волооча звонок.

Но – не ко времени, не к сроку...
И только через десять лет
Ты будешь выбегать к порогу
На шорох, на щелчок, на свет.

«Как встретиться, когда дороги – мимо...»

Как встретиться, когда дороги – мимо,
Когда – ни слов, ни сил произнести
Признание, что так необходимо,
Чтоб призрак равновесья обрести?

Ты скажешь с потемневшими глазами:
«За этот год разительных удач
Ты повзрослел...» —
Я перебую: «За Вами —
Прогулка в лес вблизи осенних дач».

Мы замолчим, и паузу заполнит
Звонок осы в открытое окно —
Нервозный звук, однообразно долгий,
Как будто бы кружит веретено.

Окажутся за этим зыбким зудом
Обиды зим нестоящи, пусты,
Что лёгкая сонливая простуда
С поправкой на больничные листы.

И тягость молчаливого разлада
Забудется, пройдёт сама собой, —
Как только кончится садовая ограда
И дачных голосов отстанет разнбой...

«За редкой зеленью – сутуловатый строй...»

За редкой зеленью – сутуловатый строй
Посёлка дачного с проношенной кровлей,
С оградой лопнувшей, площадкой смотровой...
А воздух тянется, белёсый и сырой,
В прореженные колья.

Усталым дизелем не оправдать тоски...
В плаще болоньевом, покрытом влажной пылью,
Старик стоит и ладит вдоль доски
Полоски узкие, фанерные бруски.
И чем помочь бесплодному усилью?

А время крошится, меж пальцев щель течёт
И охрой сыплется, и ржавым купоросом.
А пальцы слабые уже не держат счёт.
И планку хлипкую другая щель сечёт,
Гвоздём пристёгнутая косо.

Не залатать, коль жизнь пошла под снос...
А он царапает, скребёт, перебирает,
С досады морщится – должно быть, от заноз —
Бормочет, горбится, волнуется до слёз.
А планки сыплются, прорех не прикрывая...

«Неправда, что страхом не дышит...»

Неправда, что страхом не дышит
Уже поредевшая чаща:
Он ропотом, сумраком вышит,
Лопочет листвою ледащее,

Гнездится в обширных куртинах,
Разросшихся нынешним летом, —

Как стойкий туман в седловинах
За лесом, за явью, за светом.

Себе не решившись признаться,
Страшась подступившей тревоги,
Пойдёшь беспричинно смеяться, —
А будто заплачешь в итоге.

Пойми, неуместна бравада...
Давно ли себе обещали
Не грезить в канун листопада
О будущем, кутаясь в шали?

И дрогнет нечаянно блюдце
На лёгкой прозрачной ладошке,
И тёплые капли прольются.
Не слёзы. А всё же немножко...

«Какая бабочка за плотной дымкой тает?»

Какая бабочка за плотной дымкой тает?
Челночница! Она роняет нить,
Прихватывает через край, латает,
То по́ верху травы, то в небе метит шить.

Лазейку штопает...
Бесплотную иглою
Возможно ли вернее притачать
Край леса с накатившеюся мглою
К небесной пустоши?... ..и шва не различать...

Всмотрись попристальной, – куда она скользнула?
Ещё один размашистый стежок.
Нанизаны вподбор и стол, и спинка стула,
И пущенный – за полверсты – движок.

Родимая! и на́ день расставаться —
Больней, чем думаешь.
Да не оставит нас
Предчувствие, что с жизнью, может статься,
Прочнее связаны и нечего бояться, —
Пока последний взмах за кромкой не угас...

«Всё, что запальчиво мне посулила...»

Всё, что запальчиво мне посулила,
Разувереньям моим вопреки, —
Йодные пятна засохшего ила
По берегам обмелевшей реки,
Рваные днища рассохшихся лодок,
Хриплые крики неряшливых птиц,
Несоответствие метеосводок
И перекаты холодных зарниц —
Всё состоялось.
И август в малине
Выломил высохший выцветший прут.
Чудится рыбий плавник на стремнине,
Видишь, как он независим и крут!
Так бы и нам – оставаться на месте,
Не подчиняясь течению лет!...

...Вот и в твоём неуверенном жесте
Близость разлуки наметила след.

«Одичала малина на даче...»

Г. К.

Одичала малина на даче.
Что с тобой? Обронила ключи?
Нам погоды отныне незрячи,
Улети, улечу, уличи.

Это значит – крючок вышивальный
Протянул через лиственный лес
Полусвет, полутлен поминальный,
Подбирая помалу окрест.

Укрывают узлы и обрывы
На изнанке прожитого врозь
Тёмный клей угасающей сливы,
Облепихи подмёрзшая гроздь.

Расстаёмся с нелепым устоем
Расставаться с печалью в глазах
С крупным яблоком солнца, листвою
Зыбко скрытым в пустых небесах.

И сверкает на буйной отаве
Мнемонической бабочки лист.
Отпускает уже. Отпускает.
Умали, умили, отмолись.

«На ветхом примусе не закипает чай...»

На ветхом примусе не закипает чай,
Напрасно вынули иголки...
Начало осени! Накинь платок, встречай.
Как сгрудились и опустели полки.

Всё пересказано, осталось разве две-
четыре выплывших из полумрака фразы
Да – влажный след в слежавшейся халве,
Звук ложечки о край стеклянной вазы.

Какое нищенство на звук, на цвет! На свет.
Чай остывающий тепла не продлевает.
День обрывается, уже сошёл на нет,
С лица меняется – забoleвает.

Так сложно вымолвить, слова произнести...
Пятно засохшее на блюде позабытом...
А дождь стучит... Накинь платок,пусти...
И всхлипнет форточка, черкнув стеклом разбитым.

«Окрестности исхожены, а дале —...»

Окрестности исхожены, а дале —
И жизнь пройдёт, не ведая конца.
Я в ней ловлю приметы и детали:
Лес, осень, дождь и дождевик отца.

О, как дрожит, поблёскивая жёстко,
Тропой мелькая, выбитой в траве,
Широкий плащ! И пятнышко извёстки
Смывает дождь на левом рукаве.

Я остаюсь перед открытой рамой.
Остывший воздух затекает в дом.
Я мал ещё, и нестерпимо рано
Заглядывать за влажный окоём.

Что ожидает мальчика в матроске,
Когда предстанет выйти за предел
Его забав на дачных перекрёстках?

Плывёт дурман: полынь и чистотел...

«Многооконный дом 60-х...»

А. П.

Многооконный дом 60-х:
Горбы пристроек, сломанный пейзаж
Со ржавчиной, деталями разъятых
Мотоциклетов, «Виллисов», – гараж.

Из твоего окна, должно быть, видно
Вертушки детской – вкось – веретено,
Кольцо трамваев, летнее кино
(Одни затылки. Всё-таки – обидно...),
А во дворе – играют в домино.

Что ты молчишь и проверяешь, все ли
Открыты шпингалеты и рывком
Вскрываешь окна, те, что не успели
Ещё открыться душным сквозняком?

Ты весь вот тут: в невымытой посуде,
Посудной горке, жалостно пустой,
В разбитом быте на железном блюде,
Невесть какой приправленном тоской.

Кого винить, что виды – небогаты,
Что будто бы судьба не задалась?
К исходу лета облака щербаты.
Оставь... оставь... На то не наша власть...

И мы – молчим.
И думаем о многом.
О том, к примеру, что живём под Богом,
Неведомых прохожих не любя.
Что есть в пейзаже, грубом и убогом,
Черты разлада мира и тебя.

«Словно бoьшого – не надо: стопка чистого белья...»

А. П.

Словно бoьшого – не надо: стопка чистого белья,
Пачка писем, горстка чада уплотнённого жилья.
Свет, разлитый на клеёнке, «Мы уже немолоды...»,

В русле газовой колонки шелест льющейся воды.
Как же плачут за стеною! Знать, и правда – выходной.
Не обходит стороною стылой праздности конвой.
И вздохнёт за занавеской подурневшая жена,
Перехватит складкой резкой дорогая тишина.
У соседей кто-то шумно воду пьёт и рукавом
Оттирает рот безумно, точно в кадре роковом. —
Это так легко представить!..
Как же с жизнью совладать?
Не прибавить, не убавить, по углам не рассовать.
Всё шептать. И без ответа жить на самом сквозняке...
Угасает сигарета. Горький чад на языке.

«Как мнительна и как ты непохожа...»

Как мнительна и как ты непохожа,
Когда стоишь – ладони в рукавах —
На сквозняке! Опять одно и то же:
На сжатых пальцах прошлое итожа,
Прости меня – уж если в двух словах!

Меж нас, должно быть, скрыты недомолвки,
Пространные, как лёд, обиняки,
Просыпанные в простыни иголки
Сосновые, фонарь у верхней полки
И памяти цветные сквозняки.

Да всё бы это высказать! И всё бы
Назвать, сложить и подвести итог:
Звонки, записки, частые хворобы,
Заносы снега, прошлого сугробы. —
Я не могу. А впрочем, кто бы – смог?

И мы молчим. И так невероятна
Молчанием подбитая черта
Под прошлое – под вспышки, блики, пятна
И суету, что, в сущности, понятна,
И чем не дорожили ни черта!

Десятистишия

1

В округлом октябре – ни вымысла, ни смысла,
Скупых лучей – чуть полдень поддержать.

Утихли восклицанья скандалиста,
Само собой рассыпалось монисто,
Земли раскрыта влажная тетрадь.

В бесцветном небе, нежилом и плоском,
Не провернуть ни лопастей, ни крыл.
Утрачен счёт, и осени обноски
В потёках сажи, сурика, извёстки
Напоминают отгоревший пыл.

2

Повеет ветер с дальнего предела,
Прошелестит воздушной мишурой,
И отзовется позабытый строй
Печали, слёз, музыки неумелой
Среди примет округи городской.

И тайное означится в пейзаже:
Проявится в листве полунамёк
На пустоту и неизбывный срок,
Когда в себе осознаешь однажды,
Насколько безутешно одинок.

3

Ты льнёшь к лицу, в полудень разодела,
И шуришься, отведав на прикус
Вишнёвый вкус разломленного лета,
Густой настой на вересковых ветках,
На спину лет навьючивая груз.

Так с каждым сроком мы приобретаем,
И с каждым днём – возврата не найти
Молниеносно множимым деталям,
Из коих жизнь, не ведая, сплетаем,
Поклажей обрастая на пути.

4

Но огородникам – бессмысленно пенять
На перемены в запахе и цвете,
Когда шатров брезентовые клетки
Пустующие тонут на рассвете
В непрочной дымке сумеркам подстать.

И грусть лежит в основе перепевов,
Когда работники, с граблями и сумой,
Бредут к реке, расчерпывая зной,

А от воды – направо и налево —
Туман смывает звёзды по одной...

5

В сердцах заброшу записные книжки!
Пора, пора запомнить наизусть
Приметы дней, умчавшихся вприпрыжку,
По осыпанью хвои на пальтишки
Детей, по лесу проложивших путь.

Они шумят, сбиваясь и картавя.
В пустом лесу им просто невдомёк,
Что жизнь смешала с дальним эхом лая,
Ни вымысел, ни явь не отделяя,
И лета смерть, и осени приток.

6

Порою кажется, что дух перехватило
Бессилием. И ты грустишь затем,
Что песен нет для скороспелых тем,
Что тычется остывшее светило
В тугой подол у сомкнутых колен.

И нашу жизнь подстерегает тленность
За суесловьем в глиняных домах,
Когда по табелю – осенний вертопрах
Диктует ледяную постепенность
Немого угасанья на глазах.

7

Уже оплакан Праздник Урожая
И не собрать в подобранный подол,
Дни исходив от края и до края,
Беспомощно слова перебирая,
С раскрытой почвы скарედный обол.

И клонится земное коромысло.
В безудержной игре календарей
Неточность слов не обретает смысла,
И лишь текут и прорастают числа
Сединами безжизненных полей.

8

За суетой – не слышно перемены
В мелодии, настроенной на альт.

Но возникает в кронах постепенно
Прилив иной, всё поглотившей темы,
И темы старой мне уже не жаль.

Так вот они, опустошенья ноты!
И попусту противиться – зачем,
Коль в нищенстве осенней позолоты
С уходом лета и твои уходы
Теряют смысл среди осенних тем.

9

А в хрониках октябрьских суетливых
Я на страницу вижу наперёд
И Ваши годы, пресные, что лёд,
И свиток разрушительно унылых
Моих неизбываемых забот.

Немыслимо, но будущее прочат
Удачливым. По отошедшим дням
Читаю предназначенное нам:
Настал октябрь – и стала жизнь короче,
А прошлое – крадётся по пятам.

10

Среди кострищ и лунок с тусклой влагой
Не отыскать утраченные дни,
Хоть до единой перечти бумаги
И до одной сочти. Чего же ради —
Встаёт вопрос – хранить черновики?

Потерю лет учитывать – без смысла:
Окажется – когда сверстаем жизнь —
Что прожили, хотя и бескорыстно,
Но попусту, и некому виниться
В потрате дней, и некого винить...

«В доме осени – выбиты стёкла...»

В доме осени – выбиты стёкла,
Сквозняки на четыре угла.
Мокнут груши и яблони мокнут,
Грудь малины суха и гола.

Разорённые гнёзда повсюду
И пожитки испуганных птиц.

Горстка кинутых перьев на блюде.
Вскрики соек, мельканье синиц.

Всё яснее размокшая охра,
Реже дачный автобус. Сильней
Потемневшего шифера грохот
Под напором возросших ветвей.

И теперь всё точнее в деревьях
Угадать недостроенный дом.
Мы навесим запоры на двери,
В гулких комнатах лето запрём!

Вот и вещи уже увязали.
Опустел устоявшийся кров.
И стоим – как стоят на вокзале —
Возле выцветших в лето стволов.

«Я простыл. Я не помню родства. И далече...»

*«...как пахнет коленкор переизданий,
не тленом ли?»*

Н. Кононов

Я простыл. Я не помню родства. И далече
Ты уводишь меня: за познание речи,
За познание сути, за проблески быта,
Где судьба промелькнула, разъята, забыта...

Я забыл, что помимо провинций пасхальных,
Незашторенных окон палат госпитальных
Существуют понятия мглы и простора,
Не вместившие въедливый тлен коленкора.

Так ответь, не тебе ль за строкою тягучей
Этот жребий падёт, этот выпадет случай
Осознать, обретая значенье предтечи,
Созидательный смысл разрушительной речи?

Не тебе ли?..
Но явь обнажает пружины,
И мелькает бесплотная тень мочажины,
И скрипят над водой жернова мукомолен...
Я забыл... я не помню... я умер... я болен...

«Скажи, на что употребим...»

Скажи, на что употребим
Приметы нашего ночлега:
Паровика тяжёлый дым,
Полоску сбившегося снега
В пазах качающихся рам?
На что нам эта суматоха
С вокзальным чаем по утрам,
С молочным паром полувздоха?

О, как дрожит твоя рука!
Как покрывает иней прядки!
Как тяжело течёт река!
Как баржи тянутся по Вятке!

Скажи, на что употребим
Тележный грохот новостройки,
Что нам с тобой необходимо,
Как снег, нелепый и нестойкий?
Как потаённый рычажок
Обеспокоенности? Ноет
Незатянувшийся ожог:
Вокзал, пальтишко нитяное...

Нам всё труднее пренебречь
Среди привычных оправданий
И с расставаньем схожих встреч
Противоречьем расставаний.
И невозможно убедить
Себя, наверное, друг друга,
Что в этом некого винить.
Ухта. Елабуга. Калуга...

«Настурция – подумаешь, забава!»

И. Б. Роднянской

Настурция – подумаешь, забава!
Старуха – слева, а собачка – справа.
А в центре, у дверей, сутулясь, дочь:
Поблёскивает мокрая оправа,
И дождь идёт, и некому помочь.

Старуха вяжет, скидывая петли,

Собачка дремлет – услышала, нет ли
Усталый вздох в пространство, ни к кому?
Они привыкли, ветрено ли, снег ли,
Самих себя жалеть, по одному.

Настурция – опора и спасенье:
Старательно помыть под воскресенье,
Вязальной спицей землю разрыхлить
И развести в стакане удобренье,
Чтоб чайной ложкой медленно полить...

У ходиков подрагивают стрелки;
Два чайника, две газовых горелки,
Две кружки, перевернутые дном,
Сверкающие хрупкие тарелки —
Благополучье ходит ходуном.

А было: жили – помнят ли? – в разруху
Душа к душе, крошили в голодуху
Крапиву в закипающие щи.
Теперь – стары, годами и по духу,
А прежнее – попробуй, отыщи!

И лишь болонке, радостно скулящей,
Достанется от жизни предстоящей
Тоска и тяга двух существ чужих,
Родных по крови, жгущей, леденящей,
Остуженной и выжатой, как жмых.

Кого жалеть в квартире коммунальной,
Обременённой жизнью фронтальной? —
Старуху-мать или старуху-дочь?
Настурция на полочке овальной.
Скулит собака. Некому помлчь.

«Ступеньки, лестница, фрамуга...»

З.К.

Ступеньки, лестница, фрамуга...
Когда-то порознь, друг без друга,
Входили медленно в проём...
И вот, пришли теперь вдвоём.

О, щуплый призрак балагана!
Мы входим – в таинство органа,
Где трубы ржавы и пусты,

И мягкий говор с высоты.

Послушай, двери, словно клапан,
Впускают звуки: тот – заплакан,
Щемящ, а тот – наоборот,
Похож на кашель у ворот.

Цепей бряцание из шахты,
Глухое сетованье: «Ах ты,
Опять пешком... уже года...»
И чей-то выкрик: «Никогда!..»

Чужая жизнь даётся – что ты! —
Предельно просто, без заботы,
Среди обновок и гостей,
Широким жестом, без затей!

Давай останемся в парадном,
Где остро пахнет маринадом,
Бельём, постиранным вчера, —
Вот так и пахнут вечера.

Но кто, окликнув нас с тобою,
С перил завис над головою
И всё пытается узнать,
Откуда мы и как нас звать?

Качнулось, дрогнуло в подвале... —
Не мы ли что-то поломали,
Разладив трубы и колки,
Затронув жизнь за уголки?..

Да что искали в этом месте,
Где лифт гремит, скользит по жести,
Солят капусту, письма жгут,
Уходят, входят, нас не ждут?

«Давай с тобой переиграем сырое ветреное лето...»

Давай с тобой переиграем сырое ветреное лето,
В два голоса перепоем!
Не дети же, чтоб за сараем, в траве скрываясь, незаметно
Подкрадывались вдвоём.

Забавы наши будут проще: в плетёных стульях на террасе
Усядемся часам к пяти,
Чтоб видеть, как пылает роща на солнечной небесной трассе, —

Достань-ка циркуль, очерти!

Рука твоя так близко будет, что ничего не стоит тронуть,
И сладко – всё-таки не сметь...
Два крупных яблока на блюде, и третье – утопает в крону.
А вот и лес пошёл шуметь!

Но нам не дали инструменты и обманули с реквизитом:
Два стула, лестница и дождь.
Грузовики, топорща тенты, всю ночь перед окном разбитым
Буксуют. И не переждёшь...

«Посмотри, во дворе подметают... Давно ли...»

Посмотри, во дворе подметают... Давно ли
Мы с тобою не знали ни страха, ни боли? —

Как катились гортанные дни,
Как округа в трамвайном кольце изнывала,
Было душно, стремительно в окнах светало:
О, за шнур жалюзи потяни!

Ты смеялась, лицо укрывая в ладони,
И сосок твой пылал в предвкушенье погони,
Мирозданье касалось губами виска
И струилось вокруг золотого соска!

И, пока ещё было немыслимо рано,
Мы спешили,
мы рот обжигали из крана
И бежали по улице за поворот.
И вставало светило над аркой ворот!..

...Но – октябрь устилает листвой водостоки,
Занимается новая ночь на востоке,
И трамваи летят – через годы – туда,
Где скользят – по касательной к жизни – года...

«В футболке выцветшей и лёгком свитерке —...»

В футболке выцветшей и лёгком свитерке —
Как разны мы с тобой! Рука в руке,
По городу идём, заглядываем в окна,
И дождь стоит – на всём материке,
Ленивые, холодные волокна.

Чужие мы? – Спроси тебя, в ответ
Ты не ответишь мне ни да, ни нет,
Лишь поведёшь плечом, как будто по оплошке,
И нервно звякнешь горсткою монет,
Монетами, зажатыми в ладошке.

В Зеленограде или Воркуте
Бродили мы в оплывшей духоте,
Ловили дождь на локти и лопатки?
А может быть, на улице, в Ухте,
Ты поправляла тоненькие прядки?

Не всё ль равно, в какие города,
Нас настигая, хлынула вода,
В каком парадном дух переводили,
Трясли часы и ёжились, когда
Запястья невзначай соединили?

Я позабыл название и срок...
И лишь – футболка, тонкий свитерок,
Парадное, внезапная тревога,
Площадкой выше лёгкий говорок
И девочка, продрогшая немного...

«В нежилой комнатухе, где жарко натоплено, что же...»

В нежилой комнатухе, где жарко натоплено, что же
Мы молчим до темна и глядим осторожней и строже
Под размеренный гул и дрожанье худой занавески,
Жестяной рукомойник, роняющий редкие всплески?

Половица не скрипнет, не щёлкнут пружины кроватей.
Что же с каждым гудком – за окном – мы глядим виноватей,
Опускаем глаза, бережём воспалённые веки,
Отвергаем ладони, как приторный приступ опеки?

О, зачем мы с тобой опускали штрихи и детали,
В забинтованный сад в виноградную арку вступали,
Собирали совком червоточиной битые сливы? —
И казалось, что мы и рачительны, и терпеливы...

Мы бродили по саду, где листья крадут расстояния
От ствола – до ствола – до фасада кирпичного здания, —
Подбирали плоды до корней почерневшей антоновки,
На ветру поджидали рабочий автобус из Проновки.

Ты смеялась и грела озябшие пальцы дыханием,
Оседало светило, полнеба обьяв полыханием,
И труба громоздилась, что вскрытый канал червоточины;
Громыхал грузовик, поджимая к полоске обочины.

В те минуты судьба нам казалась удачей невиданной,
Бесконечной, как сон в обступающей жизни обыденной,
И совсем не хотелось гадать, поступаясь привычками,
О начале зимы с уходящими в ночь электричками...

...Но зима на юру тяжело оползает с откоса,
И горят на снегу обведённые жирно колёса,
И автобус знобит у шлагбаума, за переездом,
Электричка трубит, громыхает промёрзшим железом...

Кулунда

Какая страшная усталость!
Прийти и лечь, не сняв пиджак.
Рука легла и так осталась,
В очах придерживая мрак.

В манжете запонка раскрылась...
Ну отчего так тяжело
Опустошеньё навалилось,
Как будто снегу намело?

В обширном парке привокзальном
Пробилась чахлая трава
В пустом цветочнике овальном,
Разбитом у подножья рва.

И статуи подслеповаты.
Таращат битые глаза
Колхозница с цевьём лопаты,
Бетонный отрок угловатый,
Приветствующий поезда.

На этой станции печальной,
Где пышной росписи цветы
Венчают темой величальной
Страну эпохи нищеты —

Буфетчица да ученица
Под вывеской «Союзпечать».
Спросить воды и извиниться,
И никого не повстречать.

Всё утро бродишь виновато
По рыхлым улицам окрест,
Пальто топорща мешковато,
«И как ему не надоест!..»

«Какую ищет справедливость
Нерасторопных тупиков? —
Здесь только скрежет, только сырость
Да похороны стариков».

И всё ж, не это, в самом деле...
Не снег, присыпавший траву,
Не холод, выбившийся в щели,
Не пачка смятая
во рву...

«Твои слова – пустые уверенья!..»

Твои слова – пустые уверенья!..

А снег метёт на мокрое шоссе.
Трамвай гремит, считает ударенья —
Шнурок, закладка, памятка, ляссе.

Захочешь вспомнить – память обметало
Двойным стежком, какая благодать!
Какой печалью надо обладать,
Чтоб догадаться: прошлого – не стало?

А за углом – до нашего прихода —
Сошлись зима с твоим небытиём,
И светится старательным литьём
Решётка сада.
Штырь громоотвода.

Вдохнуть поглубже. Жалкая цезура!
Разъят пейзаж пролётами моста.
И если жизнь – подобие листа,
То снег над ней – вторая сигнатура...

«Я выучусь молчать...»

Я выучусь молчать.
...В распахнутом парадном

Я буду поджидать у мёртвых батарей,
Как щёлкнет на верху и в платице нарядном
Ты спустишься ко мне.
– Скорее же, скорей!

На лёгких каблучках, на выдохе – минуем
Строительный пейзаж с лебёдкой навесной,
Бессоновский тупик и улицу Сенную,
И дух переведём у будки жестяной.

Оглянешься, а там, в районе новостройки,
Мелькают флюгера, гремят грузовики
И вспыхивает свет, слепящий и нестойкий,
И медленно плывут гружёные крюки.

Обрадуйся, заплачь!
Но с прошлым расставаться —
Не скрыться за углом палатки «Роскультторг»,
И не последний год мы будем озираться
И памятью гасить нахлынувший восторг.

«Что мне ответить?»

Что мне ответить?
Скудным пониманьем
Не прикоснуться к поздним поминаньям,
Не оправдать минуты и недели
В слова переведённой канители.

Толкну плечом – и засвербит калитка,
Переступлю (о Боже, что за пытка
Искать слова и находить печально,
Что жизнь – легка, слаба необычайно!)

Ты присмотрись: приметы снегопада
В мотивах засыпающего сада
И в профиле кочующего дыма
Рассеянны, но всё ж необратимы.

Придёт октябрь, а вслед – похолоданья,
Разительное время расставанья,
И всхлипнет отсыревшая калитка,
Что дождь, что жизнь. Что бесконечна пытка.

Лес

В твоих пустых лесах – не затеряться.
Оступишься в пологий водосток
и, озираясь, будешь возвращаться,
круг в круг вложив,
всю жизнь,
наискосок.

В твоих лесах, то певчих, то безгласных,
ещё дожди не размочили гнёзд,
ещё ночами, растопырив лапы,
ночницы пляшут в беглых иглах звёзд.

В твоих лесах за будущим гоняться —
что за пером сорочьего крыла,
за вымыслом пространных вариаций
на тему жизни, бренности и зла.

Присядем, скроем немощ нашей ноши.
Раскинув по́лы, выстроим приют
меж пнём и пнём, меж будущим и прошлым,
на век, на час, на несколько минут.

Был мальчиком твоим светловолосым,
рот приоткрыв, глядел во все глаза,
как прячет иглы в чане с купоросом
сухой шиповник, как трещит лоза,
освобождая, отделяя грозди.
И видел я, наверно, в первый раз,
как жёсткие булабочные гвозди
низали бусы стрекозиных глаз,
как по откосам рассыпались листья
и жёлуди. Я крался, я страдал,
что до сих пор точёной морды лисьей
среди травы осохшей не видал.
Я ликовал, я тряс кусты и плети
то яблони, то худенькой сосны,
я продирался сквозь паучьи сети,
на плечи сыпал медь лесной казны.
Я уносился, я бросался в травы,
я прибегал, смеялся, тормошил
и для тебя придумывал забавы...
Но ты печально погружала в травы
прогнувшуюся скорлупой ладонь,

ты говорила: «Посмотри направо...», —
а там пружинил лиственный огонь...
Тебе к лицу печалиться украдкой
и на траве, припав на локотки,
полулежать с растрёпанной тетрадкой.
Я заглянул в твои черновики
и сквозь помарки, сбои, затемнённую
я разглядел подвижный жёсткий рот
и, вместе с тем, твою незащищённость
среди скандальных выходов сорок.

Мы виноваты в том, что осень на карнизы
расклеила листы, впечатав боль и яд.
И мы читаем вслух осенние капризы,
сведённые в графу расходов и утрат.

...Ты помнишь, как стремглав вбегала ученица,
с торжественным кивком вручала по листу
и убегала вновь, едва успев проститься,
за стёклами, смеясь, ломала пустоту?

А нас клонило в сон
и мы смыкали руки.
Мы опасались жить под кровом потолков
и уходили в лес, ложились у излуки,
не отнимая рук, не размыкая ртов.

Мы жили наравне с желанием и страхом,
глота я лёд и соль с застуженных ключиц.
Ты источала боль и нежность с каждым взмахом
руки к моим рукам, к моим губам – ресниц...

Но осень разлила ржавеющую воду,
роняет лист. И по кругам в реке
любой предскажет мёртвую погоду
и заключит, что жизнь – на волоске.

Меж нами – лес осин, объятий лес, в который
вошли с тобой и поделили жизнь
на сон до сна, на плач без дирижёра,
на желтизну взаимных укоризн.

Должно быть, мы встревожили селенье
лесных сорок, – но с каждого куста,
но с каждого безлистого шеста —
взлетела птица в светлом оперенье.

Мы – только пришлый маленький народец,
что, за руки сцепившись, распугал
квартал сорочий. Но сорочий гвалт
и нас пугнул...

– Вот это оборот! —
Откуда столько вестниц неудачи?
О чём злословить и о чём судачить,
когда б никто не посетил приход? —

Но воздухом сопровождают нас,
раскачивая хлипкие верхушки,
трещотки, злаязычки, хохотушки,
хвостом вращая, округляя глаз.

Откуда знать неведомое нам
провинциалкам, ведающим лесом?
Но – прочат нам пустые интересы,
скитания по карточным углам.

И прочат нам непрочность, холода,
безумство, воровство через запреты,
почти побег среди воды и света
и баснословность жизни без следа.

Но машем мы и шикаем, и ждём —
когда минуем пригород сорочий,
безлистый край, где перелом просрочен
в лесном сюжете с нами и дождём.

Мы поднимались дням наперерез,
мы изучали каменную осыпь
и выбегали в телеграфный лес,
такой пустой, такой праздноголосый.

Между стволов, не чующих тепла,
на слюдяных горизонтальных нитях
сырого воска
сонные тела
летели прочь.

Сводило ноздри запахом осин.
Мы уходили – словно опускались,
в предчувствии дождя перекликались,
меж пней садились.

Я бродил один
и пробирался, разводя кусты,

подкрадываясь, громыхал жердями.
Я осыпал листвой и желудями. —
И, вздрагивая, улыбалась ты.

Каких – ждала – известий принесу,
каких грибов, плодов продолговатых,
чем перекрою нашу неуплату
судьбе, расквартированной в лесу?

Я нёс тебе надкрыльники жука,
сухих стрекоз летательные звенья,
похожие на иглы откровенья
и прочий сор сорочьего лотка.

А ты звала: «Присядь, не торопись,
не рассыпай, не наступай, не трогай.
Что ищешь ты по берегам отлогим,
горячечно откидывая лист?

Присядь, покрой ладонями ладонь,
умерь азарт и жажду открыванья.
Жизнь – поскупилась, не дала названья,
сожгла внутри, как торфяной огонь...»

Так говорила, не подняв лица,
коллекцию осеннюю листвая.
А я над нами видел птичью стаю
и влажные метёлки костреца...

Ты спряталась в колени подбородком,
разламываешь дольки жёлудей.
Листвы мелькает жирная обводка
в косых лучах лесистых площадей.

Кружить по лесу – ты уже непустишь:
всё ближе день, когда дожди просят
большим стежком осиновую пустошь,
следы замоют, разберут приют.

Октябрь придёт раскатывать стропила,
подымет пыль, шепу сгребёт в костры,
зажмёт в ладонь широкое зубило,
чтоб лёд крошить.

Но дни – ещё пестры;
и нам никак не разомкнуть объятя;
во всю длину расстелен дождевик;
касання леса прожигают платье;

и в муравейник брошен чистовик...

Достанет ли могущества на звуки,
чтоб вылить полноту открывшихся имён,
чтоб длинный лес осин опустошить за сутки
и светом застеклить прогалы жалких крон?

Мы оставляем лес наедине с собою.
Под свод его войдут слепые мастера
сорочьи города перекрывать слюдою;
и разрастётся звук пилы и топора.

О, вечный перестук разъединённой крови!
В сухой игре судьбы присутствует игла;
безропотность потерь, сдвигающая брови;
неразличимость лиц за копотью стекла.

Ты будешь приходить. Но силы не достанет
ни развести костёр, ни обойти кусты.
Лишь тень моя мелькнёт, растает за листьями.
Что поиски теперь? – досадны и пусты...

Решилась ли, – кому
шёлк отдавать и шёпот,
чьё пить тепло и чьи укоры покрывать,
в чьём имени ловить созвучные длинноты
и заносить пером в раскрытую тетрадь? —

Но в полусвете сна ответы дать не в силах
ни твой стоствольный лес в пыли сорочьих глин,
ни коростелей свист на гнёздах и могилах,
ни отзвук погремков с пустеющих равнин...

1981

На холме

В какие времена
из времени былого
ты уходить вольна
по мановенью слова?
Куда ты держишь путь,
глотаю воздух влажный?
Не уходи, побудь!..
Но ты, решив однажды,
переступив порог,
судьбу переиначив,
вложила между строк
упрёки, неудачи
и узел собрала,
и позабыть решила
на краешке стола
тетрадь, иглу и шило,
и пачку телеграмм
под пылью, что под снегом,
и прочий сор и хлам
поспешного побега.

Часть 1

В те времена и ты,
похожая на рощу,
несла свои черты
уверенней и проще
и мне дарила год,
что яблоко разлуки,
протягивая – вот! —
слабеющие руки.

Возможно ли хранить
пригоршню обещаний,
сухой малины нить,
лукошко с овощами,
прикосновенье губ,
проникновенье звука,
горячий дым из труб,
холодный блеск излуки?
Очнёшься – свет в глаза
да слабый привкус крови,

да мёртвая лоза
в измятом изголовье,
округа горяча
и пылью пахнет донник,
а на моих плечах
лежат твои ладони...
Но взглянешь с высоты
на город кропотливый,
слагающий черты
предместий терпеливо, —
поймёшь, насколько мал,
невыразимо тесен
для жизни
капитал
твоих простывших песен.
Смотри, на той горе,
по самому карнизу
спускают в серебре
блистательную линзу!
Придвинься, я приму —
от выдоха до вдоха —
и боли, и вину
за мёртвую эпоху.

Часть 2

*«Где качают пары формалина
Твой бетонный параллелограмм...»*

Н. Кононов

Последний лист упал
и растревожил звоном.
Пустырник, белотал,
орешник, белладонна...
И разразился год
сначала – гололёдом,
и посулил – вперёд —
утраты и невзгоды.
А снег запорошил
безлиственные груши
и домик, где прожил,
молчанья не нарушив.
Ополоумел снег
и застилает плотно
крыльцо, кольцо в стене,
нетающие окна.
Мой голос потонул

среди его буколик —
его нестройный гул
не потревожит боле
залатанных лесов
и блочных исполинов
с квадратами часов
в пареньях формалина,
твой низенький буфет
да узкий подоконник,
рассыпавшийся сонник,
забытый на софе...

Да, ты осталась там,
где на остывшей глине
твой параллелограмм
с углами в паутине.
Ты смотришь в глубь окна,
как будто в глубь оврага,
и ромбиком сукна
с пера снимаешь влагу.
Зачем ты так глядишь —
безрадостно и долго —
на переплёты крыш
и плачешь втихомолку?
Нам выпало – вдвоём —
идти без сожалений
сквозь тонкий окоём
веков, эпох, забвений,
нам предстоит с тобой
перенести немало —
полжизни вразнобой,
с казённым одеялом... —

Так вот исход всего!..

...А снег идёт над нами
нестройно и легко
больничными дворами.

Часть 3

Но в нашем ремесле,
пустом необычайно,
давно истаял след
искоренённой тайны.
Мы боле не поём
и в чередё метелей

не слушаем вдвоём
расхожие рондели.

Я постарел, а ты
крепилась, что есть силы,
да всё одно черты,
мои черты – забыла.
Сошёл бумажный снег,
картонный лёд истаял,
запала возле век
морщинка золотая.
И снова даль светла,
затронутая дымом.
И рушится ветла
последним исполином.

1982

Последний поэт

«Чёрный лес, чересполосица...»

Чёрный лес, чересполосица,
Кромка столика вагонного.
Всё, что нажито – отбросится:
Чуть покажется – уносится
Вдоль леска аэродромного.

Тень, по пажитям бегущая,
В кисловатой дымке угольной,
Словно главка предыдущая,
Всколыхнувшая, гнетущая
Посреди природы убыльной.

Да прореженного ельника
Непросохшая обочина,
Рванный войлок можжевельника;
И лощина, ниже пчельника,
Безнадёжно заболочена. —

Что молчим, как виноватые,
Словно внове посвящённые
В эти виды небогатые,
Угловатые, дощатые
И до слёз опустошённые?

Костомаров

1

...Он был всегда заносчив и упрям,
А называл – что он жесток и прям.
Он говорил: В архитектуре сада
Присутствует не то чтобы вина,
Но некая истома и досада
И поволока будничного сна.

А во дворах – ему опять же вторя,
Стоял туман, из окон пар валил,
Больницей пахло, холодом белил,
Динамик о погоде говорил,
(Что ясно, мол) – да выключился вскоре...

2

Мы не спешили. Встретившись на час,
Отъединили «было» от «сейчас»,
И стало так легко, и ниоткуда
Сквозняк принёс какой-то аромат.
Мы порешили, что мясное блюдо,
Заправленное в зелень и томат,

Готовила прилежная хозяйка. —
Да вон она, опёршись о косяк,
Прикидывает что-то так и сяк,
Задумалась, как будто смысл – иссяк,
Сощурилась. Попробуй, угадай-ка,

3

О чём она печалится... —
О том,
Что если беды – ввалятся гуртом,
А если радость – прозевать нетрудно
Среди однообразных перемен:
Пузырь со льдом, фарфоровое судно
Да треск обоев с полутёмных стен?

Или же – мужу отказали снова?
Да что б его, какой попутал бес
Тащится спозаранку в райсобес? —
Глядит с тревогой – где-то он исчез? —
Пора обедать, и лапша готова...

4

...А он спросил: Доволен сам собой? —
Как будто бы почувствовал пробой
В беспечности, как будто догадался,
Что неспроста – бесповоротно лих,
Что я его дурачить собирался. —
Он посмотрел – я как-то сник и стих.

Ох, не хотелось это воскресенье
Потратить так же, как заведено:
К полудню встать, а вечером – в кино,
Чтоб не нарушить ни одно звено
И не искать ни смысла, ни спасенья,

5

Не думать о растраченных годах,
Не кутаться в болеющих садах!..
Стой, Костомаров, я не понимаю,
Зачем тебе копать в пустяках,
Во всех моих «не помню» и «не знаю»,
Черновиках, записках, дневниках?

Ужели ты и до сих пор болеешь
Пустым окном, как полым рукавом,
Ярмом прорех и грубым жалким швом —
Судьбою в пониманьи бытовом, —
Живёшь, и по-другому не умеешь?

4

А помнится, в далёкий ранний час
И жизнь была значительней у нас,
И смерть казалась чем-то невесомым,
А прошлого – ещё не обрели,
И только пробуждались хромосомы,
И будущность забрезжила вдали...

Припомнишь ли, как мы с тобой витали
В паучьих грёзах, лиственных лесах,
Как зарывались в книгах и кустах
(И было скучно в четырёх местах —
Да мы, признаться, это не скрывали...)?..

7

Мы обретаем прошлое – не вдруг,

А год за годом и за кругом круг,
И ни аза, и никакого сладу,
А всё идёт какой-то чередой:
Коль нет чего, так, стало быть, не надо,
И ногти рвёт пружиной заводной.

Поверишь ли, труднее год от года,
Вдевая руки в наши пиджаки,
Прощать друзьям небрежные кивки,
Нащупывать в болоте островки
И не искать спасительного брода.

8

Да, Костомаров, много утекло.
А что текло – застыло, как стекло,
И мы с тобой – теперь в одном кристалле,
В одном зерне под чей-то микроскоп
На стёклышке подкрашенном попали
И вертимся, как есть, и сбились с ног.

И этому не сыщешь озаренья...
Но я о жизни нынче – не хочу:
Достаточно, и мне не по плечу
Плутать внутри, куда нельзя лучу,
Тем более – беспомощному зренью.

9

...Он шёл, в карманы руки запустив,
Как вдруг сказал: И всё же смерть – курсив,
А мы с тобой – всего лишь запятые
Или иные знаки бытия.
А впрочем, нет, мы – только понятые,
Кому удел – молчанье да скамья.

При всём при том мы – знаки ударенья,
Когда эпоха расположит так
Свой фразовик: частица, корень, злак,
Щипок, тычок, затрещина, кулак —
И ни какой надежды на спасенье.

10

Он был поэт, и даже неплохой,
Хоть жизнь познал отнюдь не за сохой,
А по чертам квартиры коммунальной,
По стычкам на Вороньем пустыре
И пирожкам с начинкой поминальной,

Что мать пекла, поднявшись на заре;

Он был поэт, и не хотел иного,
И с тем – ловил ладони у виска
Спросонок – мать... – и снова сон: узка
Дыра в заборе, и никак – доска,
И крутят фильм, немой, и хоть бы слово...

11

Да кто посмеет ставить жизнь в вину
Тому, кто смел исчислить глубину
Эпохи – не трубою комбината,
Не выемкой бессмысленных пород,
А детскими слезами интерната
И ожиданьем – мама? – у ворот?

(...но нет её, не скоро будет ужин,
И грустный смех бубнит на сквозняке —
То сверстники стоят невдалеке,
Сбежав с крыльца, в фуражках, налегке,
И делят хлеб, и им никто не нужен...)

12

...Не продохнуть от кухонных паров.
И снег пошёл, тоски не оборов,
Как бы в крыльчатке мельничного круга,
Над полем битвы шахматных фигур... —
Над головами хлопнула фрамуга,
Ещё одна... – Опомнившись, за шнур

Единой волей взялись домочадцы. —
Как берегут своих домов тепло!
Пищат скворцы и прячутся в дупло.
А снег идёт, и светится табло:
Неделя, год – неоновые святцы.

13

Мы шли Сенным, Мясницким. Я спросил:
Бог с кем другим, тебе – хватает сил
На жизнь внутри своей же оболочки,
На киноварь, лазурь и бирюзу?...
Он перебил цитатою в полстрочки:
«Мы те, кого сморгнули, как слезу...»

.....
.....

.....
.....
.....

14

Казалось бы, из прошлого – никак
(Как будто бы забрались на чердак
И – шаг за шагом – двери потеряли
Среди развалов рухляди, и вот —
Шаги по кровле, спрятаться – едва ли,
Лежим в пыли, колени вжав в живот...)

Но, Костомаров, так бывает – в детстве,
А с нас с тобой давно писать пора
Историю, и это – не игра
В складских трущобах нашего двора —
«И никуда от этого не деться»

15

Я думаю, что скоро истечёт
И наше время, и держать отчёт
Предстанет нам перед своей Отчизной —
И что тогда сказать посмеет ей?
А он промолвил твёрдо: Укоризной
Она не тронет памяти моей.

И мне ответ не показался резок,
Поскольку знал – ему не миновать
Утрат, потерь – да что о том гадать!
Лишь одного не дадено – солгать,
За жизнь свою, за крохотный отрезок...

«Всё скучным кажется, и только сад остуженный...»

я не то что схожу с ума, но устал за лето

И.Б.

Всё скучным кажется, и только сад остуженный
В ограде плещется, сбивается за край,
Отпарен будто бы, прилежно отутюженный. —
– Смотри, рукав не замарай!

Подбиты гляncем кроны поредевшие.
Едва пылит мельчайшая труха
Над банкой с известью... и спички отгоревшие...

И нитка бус... какая чепуха!

За что цепляемся? – осталась малость, вроде бы:
Бензином чищенный кургузый пиджачок,
Привязанностей меркнувшие слободы,
Барометра скачок.

Остались, в частности, – ночное расписание,
Скандальной повести журнальный вариант,
Электролампочки короткое дыхание,
Ночной озноб остуженных веранд.

А во дворе присядешь у поленницы,
Намереваясь подоткнуть щепу, —
И день скользнёт, как тело веретенницы,
Царапнув о стопу...

Последний поэт

Простим вокзальные повадки глядеть в окно на Хуторской
И чай помешивать несладкий, и звук подслушивать пустой,
И знать, что на кольце трамвайном, на птичьем рынке, – ни души,
И свет скупой в бараке свайном гасить —
«Оставить?» —
«Потуши...»

Ему – без нашего участия – достались лестница и двор,
И обнажённые запястья, и беготня крысиных нор,
Усталость в тридцать, в сорок – старость, а в пятьдесят – куда
глаза!
И жизнь прошла – какая жалость! – и не поправить ни аза...

Простим тому, кто трудно дышит в прихожей общей, шарит ключ,
В чей таз течёт в проломы крыши, чей кашель с лестницы колюч,
Кто пробирался в коридорах и натёкался на щиты,
Вдыхая пыль, давился в шторах тяжёлым тленом нищеты,
Тому – на ком замкнулось время и оборвался календарь.
– Повязкой укусною темя и доли лобные ошпарь!

«...Мы стольким столько обещали!
Но нам, должно быть, не дано,
Чтоб жизнь в эпоху умещали, как бы в ладонь веретено.
А значит – нам досталась участь среди развешанных простынь
Прожить не радуясь, не мучась, с одной заботой: –
«Не простынь!..»...»

Поздние стихи

* * *

Как часовенки на берегу,
Два столбца ноздреватого туфа.
Слово бросишь, а я – сберегу,
Точно камешек из Гурзуфа.

Знать, тебе и товар – не товар,
Если не запираешь за створки.
Что ж лицо мне сжигает пожар
От пустяшной твоей оговорки?

Брось, не майся, – урон невелик:
Я верну, протянув на ладошке
– аметист, халцедон, сердолик —
Все обмолвки твои понарошку...

* * *

Я тебе не скажу, дорогая,
Что за темень снедает меня.
Пусть её! – и ни ада, ни рая,
Только мгла, трепеща и звеня.

Так – ты помнишь – над миром сияла
Плошка света, теснимая тьмой, —
Будто выплеснул кто из фиала
В предвкушении жизни иной.

И стояли, любовью согреты,
Воссиявшей на нас с высоты,
Осознав, что пригубили Света
В волнах холода и темноты

* * *

А россыпь звёзд, похожая на осыпь,
Померкнет медленно и возгорит – одна.
Сквозь редкий дым в небесные покосы,
Как будто нехотя, заявится луна.

Что делать ей? И нам с тобою – что же,
Когда мы слов старательно бежим?
Прости мне голос, сбивчивый до дрожи,
Его неверный, может быть, нажим.

«Родимая! и на́ день расставаться —
Больней, чем думаешь...» – я повторю не раз,

Звезда с небес готова оборваться,
Слова – пролиться, сумерки – раздаться...
Но кто-то всё ж оберегает нас.

* * *

Прописные истины дороже
Парадоксов мысли и души.
Может быть, с годами стали строже?
Может быть. Попробуй, разреши.

Неспроста претит витиеватость.
Разве не по замыслу Творца
Разрывает сердце виноватость
За тебя, за прядку у лица?

Что гадать! Не сумерки созрели —
День иссох, до пряжи истончась.
Схватишься: а мы с тобою – те ли?..
И трещат под ветром иммортели,
Красками застывшими кичась

* * *

«А катерок оставит на воде
Не вензеля, а слабый след тавота...» —
Споткнёшься вдруг на сущей ерунде
И защемит, засаднит отчего-то.

В чём провинилась слабая душа,
Что обрела своё предназначенье
И Божий мир прияла, не дыша,
Прорвав слепое заточенье?

Неужто ей поставятся в вину
Горячей нежности мятущие приливы
И катерок, взлетевший на волну,
И голос твой счастливый?

* * *

Постепенно идёт на убыль
Всё, что вспыхнуло и пылало,
И останется грубый уголь:
Вместо рощицы – тень провала,

Вместо пажитей – пепелище,
Вместо пламени – стужа в пальцах.
Вот и слов, посуды, не сыщешь,
Как ни сетуй, кому ни жалься.

С чем пребудем, скажи на милость,

Чем искупится тороватость?
И во всём – Его терпеливость...
И на всём – моя виноватость...

* * *

Прохладных слов подсушенная корочка,
Нечаянные редкие касания...
Косым крючком стреноженная форточка...
И рвётся, и срывается дыхание.

Какой обидою искупишь волны нежности,
Каким отчаяньем прольётся неизбежное?
От безысходности до неизбежности
На самом деле – ниточка пунктирная.

И я твержу, не ведая усталости,
Утрат страхась болезненно, до трепета:
С чем жить останешься, – когда б не эти малости,
И с чем уйдёшь, – когда б не щедрость эта?..

* * *

Оледенелые окраины —
Ещё немного – скроет снегом,
Дома стоят, как будто впаяны,
Вздымаясь в сумерках ковчегом.

Два-три пустяшных замечания,
Ладонка, с обшлага скользнувшая, —
Слагают ритуал прощания,
Отточенный до равнодушия.

И вдруг за фразами избитыми
Пойму, что многое потеряно —
Когда за стёклами размытыми
Ты мне рукой махнёшь рассеянно...

* * *

Эту осень, налитую всклянь,
Не унять и с ресниц не смахнуть.
Истекает на пёструю ткань
Невозможная ртутная муть.

Вместо горечи поздних плодов —
Осторожная ломкая грусть,
Виноватая скардность слов,
Простодушная тяга вернуть

Невозвратного зыбкую гладь,
Невозможного хлынувший зной...

Так и с нежностью не совладать,
Как с тяжёлой высокой волной

* * *

Чего страшимся? – бабочки, влетевшей
На оловянный проблеск ночника.
Чем ниже мгла – тем страх ночной успешней
И холодней нетвёрдая рука.

С какой тоской колеблется по стенам
Живая тень, срисовывая вточь
Подробности печальной перемены,
Безжалостно выплёскивая в ночь!

На свет летит и пламени боится,
И мечется, как бабочка, душа.
Кого обидела (вернее – чем блазнится?)?
Не распознать, дурна иль хороша.

«Над каналом, подёрнутым ряской...»

Над каналом, подёрнутым ряской,
Седловиной холодных холмов
Проплывают дымы и повязкой
Зависают на фоне стволов.

Словно в фотографическом зале
Развернули пейзаж на стене
С неумелым ледком на канале
И дворцовым крыльцом в глубине.

Поспешим-ка наверх, – за скамейкой,
Утопающей в листья на треть,
Помаячу и я перед «лейкой»,
В объектив не стараясь смотреть.

Ну так что, молодой напельбаум,
Что ты медлишь, мурлыча под нос
Немудрёное «О, Tannen baum»? —
Или видишь в визир перекося?

Может быть, ты затеял напрасно, —
Свет не тот и пейзаж не совсем?
Или просто за дымкой – не ясно,
Стою, нет ли задуманных тем?

Не терзайся, свинти объективы,

Ты же знаешь не хуже других,
Что извивы судьбы – прихотливы,
И не мы отвечаем за них.

Вот поднимется ветер над нами
И обрывки листвы заметёт,
На канале вода бурунами
Зацветёт...

«Горбатый мостик над оврагом...»

Горбатый мостик над оврагом,
Коробка спичек на перилах.
Давай примериваться шагом
К погоде, к осени, —
«Не в силах...»

И обернулась. Я увидел
Едва порхнувшее дыханье,
Соломинку на светлом твиде,
Вглубь отодвинутое зданье.

На цоколе литой ограды
Травы отчётливые тени...
«Ещё грустны, уже – не рады,
А попросту – давно не с теми...»

Узнать бы, где порастеряли...
А ты окидываешь взглядом
Близпролегающие дали
С огромным небом над горсадом.

Рукой скользнула по привычке,
Соломинку смахнув.
Ну что же,
Оставим на перилах спички...
«Пойдём, пожалуй, – дождь, похоже...»

«Эта осень приносит опять...»

П. Дегтярёву

Эта осень приносит опять
Возвращение прежних цитат,
Снова крупные капли летят

С обожжённых дождём эстакад.

Заслониться ли слабой рукой?.. —
Это было в огромной стране,
Где уносят вождей на покой
К равнодушной Кремлёвской стене,

Где мечталось – под шелест лопат —
О заре, о страде мировой,
Где народ до сих пор виноват,
Что не стал в «душебойках» травой.

Словно ржавой водой по лицу,
Полосует октябрь по стене
Всё слабее. Подходит к концу
Промежуток, нестрашный вполне.

Снова капли черны, солонны...
Вся и всюду
грозит декабрём
Непреклонная воля страны,
Для которой живём и умрём.

«Нет, уже я не услышу оклика...»

Нет, уже я не услышу оклика:
Безнадёжны дебри, не тужи,
Заплутал, ни деревца, ни облака,
Так себе – сухая корка лжи.

Просвистать мечталось – не получится,
Вот и рвёшь коросту, не таясь.
Что с тобой, душа моя, попутчица,
Пристальная, приторная связь?

Не простил, – а то давно бы скомкали
Неприятни пылкий холодок.
Что взамен? Сухая пыль, позёмка ли,
Круто нарастающий ледок.

Не трудись напрасно уговаривать:
Сколько можно, сам перетерплю,
Пролистаю. Не рогожный – марлевый
Век стоит, достался бобылю.

Памяти Мандельштама

Голенастой лозы угасает последняя гибкость.
Снежура на юру. – Видно, впрямь эта ночь горяча.
То ли волок шуршит, то ли илистость лепится, мглистость,
Дальше некуда жить сквозь горячечный бред, бормоча...

На этапном снегу отошедшие Господу тени.
Нестерпимее снов не рождалось в российских снегах.
Не умея сказать, он делил это время со всеми,
Не умея солгать, он зализывал кровь на губах.

Крупно скачущий век не случайно его заприметил
И по следу травил, норовил размозжить позвонки.
В жаркой шубе степей в третий раз надрывается петел,
Баржи вторят ему. Арестантские. Где-то с Оки.

О, как слились в груди женский плач, золотая солома
Да библейская горечь протяжной тягучей строки!
Он пропел, придыхая, а умер – не выронил стоны.
И метель целовала его ледяные виски.

«Болотная...»

«Болотная».
Куда ни кинь,
Названья прежние – вернее.
Тесней подсаживайся, вынь
Ладошку, дай сюда, согрею.
Смотри, опять смело листок,
Промчало монастырским садом
Душой, отпущенной не в срок,
Навзрыд прошелестевшей, рядом...
Представишь ли и сад, и луг,
Раскисшие от половодья,
Когда стволы, дома округ
Оглядываешь исподлобья?
Пылает нищенский гранит
Напыщенного парапета,
И дом, что присно знаменит,
Не застит свет, но свёл полсвета.
Кто в нём живёт – не смеет ныть.
Сошла с Всехсвятской позолота.
Не дом – корабль. Куда им плыть,
В поставленном среди Болота?..

А небо с нашей стороны
Затягивает: уже, уже...
Как старые слова верны!
Сгоревший сад, излом стены,
Под сердце рвущаяся стужа...

«Неожиданно как постарели...»

Неожиданно как постарели,
Поразительно немощь видна,
И бормочут, и бродят без цели
В опустевшем доме до темна.

Спохватился: когда растеряли
И здоровье, и молодость вдруг?
Словно юркие петельки шали
Утекли из недержащих рук.

Им достались – сухие абзацы,
Заголовки газетных полос,
Развороты победных реляций,
Гром оваций, постыдных до слёз.

А теперь – и того не осталось.
Ощущенье, что жизнь – на излёт...
И такая скопилась усталость,
Что до смерти она не пройдёт.

Годом позже – уже не расспросишь.
Небытиём
Отгородится век,
И останется – ветхая прошивь
Справок с копей
и лесосек...

«Войной обласканный парнишка деревенский...»

Войной обласканный парнишка деревенский,
В пилотке новенькой, обмотках необмятых,
Приписанный к пехотной части энской,
Растерянно глядит и виновато:

Не смерть бы взводного – не вышел отделенным
И не отделался дырою пустяковой,

А пал бы замертво или очнулся пленным
С гангреной корчиться, без Родины суровой;

Но даже выживи, но даже выйди с боем —
Поплатишься за то, что не убитый:
Забитый в гурт, покатишь под конвоем
Куда-нибудь, где брезжит Ледовитый... —

Так празднуй случай свой! он не такой банальный!
Быть может, вывезет, и в общий ров положат
Не номером,
а с карты госпитальной
Сведут фамилию и годы подытожат...

«А пока по Окружной дороге...»

А пока по Окружной дороге
В замороженных товарняках
Не свезли в полярные отроги,
В Джекказгане не смололи в прах,

И пока свинцом не отравили,
Не стравили оловом
или
Ногтем на столе не раздавили
(А ведь сколько раз уже могли!), —

Не окинуть разумом и сердцем.
Кровь гноит неистребимый страх.
...Кто очнулся – встанет страстотерпцем,
Кто почил – мелок на сапогах...

«Что же даже и словом не хочется...»

Что же даже и словом не хочется
Ободрить и щекой приласкаться?
Ни к чему не приводят пророчества,
Низведённые до святотатства.

Как-то буднично, мелочно, сумрачно,
Мелким бесом, нахрапом, измором, —
Словно грязная очередь в рюмочной
С нескончаемым, вздрызг, разговором.

И безжалостность существования,

Лихорадочный липнувший морок.
За плечами – страна без названия,
Равнодушная, без оговорок.

Вновь ты, Родина, к нам безучастная...
Замолчав у неприбранной стойки,
Что не волю, а гибель мы празднуем,
Осознаем ли в пекле попойки?

Да катись ты со всеми штандартами!
Ты не помнишь – мы тоже забыли...
Но с похмелья плача над картою
– за нитьём, за казённой кокардою —
Как тебя мы когда-то любили!

23 марта 1994

«Я прощу, я вовсе не замечу...»

Я прощу, я вовсе не замечу,
Потому что не в чём укорить, —
Много больше! – наделённый речью,
Не посмею слова проронить.
Что оно! – всего лишь мёртвый слепок,
Тёмной глины ссохшаяся грязь,
Идолище разума, —
нелепо
Уповать на рвущуюся связь.
Как ни скажешь – ветрено и лживо.
Откровенье – разве голоса,
Вразумляющие душу живу?..

Облаков косая полоса.

«Мы все питомцы Комитета...»

Мы все питомцы Комитета,
Как были все – под Наркоматом.
Мы не питаем пиетета
К домам большим и мрачноватым.

Уж нам-то нечего бояться!
Но опасаться всё же стоит.
Давай не будем притворяться,
Что нас не прочили в изгой.

И памяти передоверим,
Раз дневникам не поверяли, —
Какие глыбы! – эти двери
В расшивках меди или стали.

Такой озноб по коридорам, —
Куда уж там до любопытства!
Ты помнишь, нет? – Глухие шторы,
Иголке света не пробиться.

Мы – как Сизифовы потомки,
Мечтавшие переиначить
Великорусские потёмки,
Где даже песни бабы – плачут,

Где заплутали Свет и Вера
И от Москвы до Салехарда
На шапке милиционера
Сияет звонкая кокарда...

«В гостиничном номере гулком...»

В гостиничном номере гулком
С казённым цветным покрывалом,
С дождём над ночным переулком,
Сквозь форточку видным, с овалом
Дешёвого зеркальца в рамке,
С графином, торчащим без пробки
На прошлонедельной программке
(А впрочем, детали – за скобки!) —
Мы встретились. —
И замолчали,
Как будто, в толпе оглянувшись,
Настойчивый взгляд повстречали
(Метнёшься навстречу, вначале,
И мимо пройдёшь, обманувшись...)
Весь день по раскисшему снегу
Крошили табак, отступали,
Не чаяли выйти к ночлегу
(По векам стегали с разбегу
Песок, ледяная крупа ли).
Что скажешь на ветер – вернётся
Обрывком, неряшливым комом,
К фальцету трамвая сведётся
На мутном мосту незнакомом.
И всё терпеливей в ответах...
Смотри, как надрывно, надсадно

Туман прибывает в просветах, —
Похолодало изрядно.
Продрогли и ноги избили,
Давно растрясли сигареты,
С чего начинали – забыли,
Истаяли кроткие меты.

Прощание в Ленинграде

Н. К.

Не опечалившись, душа не озарится...
Не снегом связаны – какой-то ледяной
Нелепой присказкой.
Как водится, проститься
Не так достанется, и по цене иной.

Не стоит бедности...
Но умереть – нелепо:
Сдержать дыхание, себя перемолчать,
Привстать на цыпочки. – А где душа-то? —
– Где-то.
Ушиб массирует. Кому её встречать?

Натянешь шапочку, в карманы руки втиснешь.
Канавка Зимняя ещё блестит со дна,
Как будто вымели и осмолили днище,
Продули насухо.
На что теперь ладна?

И всё ж, примеривай шаги в начале года.
– Кривая улица, припавшая к воде,
Не жмёт в груди? не коротка? —
«Немного.
А впрочем, вольности не обрести нигде».

«Поднялся дóверху и затихает, глохнет...»

З.К.

Поднялся дóверху и затихает, глохнет
Разбега шум – стремительней, плавне:
Так влажный след, сжимаясь к центру, сохнет
На жарком кожухе и так же – кисть немеет.

...Неловко вскинулась и осеклась несмело:
Душа ли прянула или состав качнуло? —
Прижалась на́скоро и ткнулась неумело,
С подножки спрыгнула, пальтишко запахнула.

Как птица скорая: спугни – и не вернётся,
Наохлилась, нырнула в мех щекою
И шарит петельку (никак не попадётся)
Озябшею рукою.

Да так и вспомнится: перчатки, ворот платья,
Короста наледи локомотивной смазки,
Табло черкнувшее...
«А все слова, объятья?» —
...каблук подломленный, намокшие завязки.

«В январе – мучительно темнеет...»

В январе – мучительно темнеет:
В полдень ясно – день уже сгорел;
Чиркнешь спичкой – вспыхнуть не успеет.
В воздухе – как будто сыплют мел.

Где окажемся, свернув из переулка?
Тяжело темнеет на снегу
Летний дом; промёрзла штукатурка.
Рубят лёд на правом берегу.

Постоим на меркнувшей аллее.
Остаётся и в последний час
Небо уходящее – светлее
Сумрака, снедающего нас.

Вскинешь руку – отзовется тускло
На скупой перестоявший свет
Простенький, перехвативший узко
Левое запястье браслет.

«Пятый час...»
А лыжник одинокий
Катит по расхлябанной лыжне:
Вдох и выдох. Снова вдох глубокий.
Лиственницы стынут в вышине.

«Где уж нам с немудрящим сюжетом...»

Где уж нам с немудрящим сюжетом
Совладать: всё слова да слова;
Плоть ладошки пронизана светом,
А в колечке, дыханьем согретом,
Столько нежности и волшебства!

Разве выходишь жаркую тягу
Всё запомнить: извив, поворот?
Жизнь пройдёт, как вода сквозь бумагу,
И какую вселенскую тягу
Беззащитностью приобретёт?

Посмотри, как стрижами прошита
Пропылённого воздуха пядь;
Божьи птахи снуют деловито,
Но скупого небесного жита
Им и спешившись
не собрать.

Так сюжет или фабула, всё же,
Тупики Поварской слободы?
Под муаровым небом, до дрожи,
Что тебя бесконечно тревожит?
Бог с тобой! Далеко ль до беды.

«Когда я стану старым...»

Когда я стану старым
И будет
Лицо моё тёмным и сморщенным,
Как изюмина, —
Меня полюбит
Девочка с золотыми глазами.

Она
Будет вбегать ко мне, тонкая,
Перехваченная в талии пояском.
– Доброе утро! —
Будет шептать мне
И розовым крохотным ушком
Прижиматься к плечу.

И мне станет неловко

От стремительных полудетских жестов
За свою наступившую старость.

– Тополя цветут!
«Отцветают, —
Поправлю я. —
И я —
Тоже такой тополь...»
– Что ты! что ты!
Ты совсем не старый... —
И коснётся щеки моей впалой
Пальчиком,
Словно узоров.

И я вспомню стихи свои старые
И такую же девочку вспомню,
И себя
В этот юный возраст,
Удалого и бестолкового.

И, наверное, что-то почувствовав,
Скажет девочка:
– Мне приснилась
Поляна земляничная, где
Кто-то ездил на мотоцикле.
И красны были —
Чёрные прежде —
Колёса.

Отвернётся.

А я пошучу неудачно:
«Будь ты старше на столько,
На сколько бы стать мне – моложе,
Я бы взял тебя в жёны».

И ответит мне девочка тихо:
– Нет,
Тогда б не любила тебя.

**«Ты всё ещё надеешься вернуть
сухой зимы колеблющийся облик...»**

Ты всё ещё надеешься вернуть сухой зимы колеблющийся облик
И даль, как выстрел, как навывлет сквозь тело года выбитый
тоннель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.